

УДК 821.111-312.9(73)
ББК 84(7Сое)-44
М60

John Jackson Miller
STAR WARS™: KENOBI

Copyright © & ™ 2022 LUCASFILM LTD
Used Under Authorization.

Издательство благодарит за помощь в подготовке издания
«Гильдию архивистов JС».

Миллер, Джон Джексон.

М60 Звёздные войны. Кеноби : [перевод с английского] / Джон Джексон Миллер. — Москва : Эксмо, 2022. — 416 с. — (Звёздные Войны).

ISBN 978-5-04-165749-9

Татуин... Захолустная планета... С нее джедаи когда-то забрали Энакина Скайуокера. И он вернулся туда лишь однажды, чтобы похоронить мать, замученную пустынным народом — тускенами-налетчиками, и жестоко отомстить за нее. И сделать первый шаг на пути во тьму. Но надежда жива.

Когда Республика пала, именно на Татуин отправился в тайное изгнание бывший учитель и друг Энакина, джедай Оби-Ван Кеноби. Уверенный, что убил Скайуокера в поединке, он считает своим долгом тайно присматривать за его малолетним сыном, растущим в приемной семье. Бывшему генералу Кеноби, привыкшему действовать быстро и решительно, непросто дается роль невидимого ангела-хранителя. Тем более что в пустыне Татуина хватает тех, кто отчаянно нуждается в помощи рыцаря-джедая.

УДК 821.111-312.9(73)
ББК 84(7Сое)-44

© А. Бугреева, П. Лапо, О. Самойлова,
А. Ионов, В. Матюша, Г. Андреева,
В. Ткаченко, перевод на русский язык, 2022
© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательство «Эксмо», 2022

ISBN 978-5-04-165749-9

ОТ АВТОРА

История, которая впоследствии воплотилась в роман «Кеноби», родилась в 2006 году, когда Джереми Барлоу, бывший тогда редактором моих комиксов в издательстве «Dark Horse», предложил мне попробовать написать нечто такое, чего еще никогда прежде не было: «Звёздные Войны» в стиле вестерн. Спустя пятьдесят страниц набросков у меня на руках оказался сюжет, больше пригодный для романа, чем для комикса, поэтому я отложил проект до лучших времен. Они настали в 2012 году, за что следует благодарить редакторов Шелли Шапиро и Фрэнка Паризи.

О жизни на Татуине написано много, а вот об отшельнической жизни Бена Кеноби — гораздо меньше. Из всех этих произведений я почерпнул немало, за что благодарен их авторам.

Я выражаю благодарность Эриху Шеневайссу, Киту Клейтону и всем сотрудникам издательства «Del Rey», а также Дженнифер Хеддл, Пабло Идальго и Лиланду Чи из «Lucasfilm».

Спасибо моей супруге и корректору Мередит Миллер, корректору Бренту Франкенхоффу и консультанту по выезде Бет Киннан (лошадей на Татуине нет, но седла-то есть!).

Посвящаю эту книгу Кэти, благодаря которой
ее маленький брат тоже посмотрел *тот самый фильм*

ЗВЁЗДНЫЕ ВОЙНЫ™

ХРОНОЛОГИЯ

Учитель и ученик

I Скрытая угроза

II Атака клонов

Войны клонов (сериал)

Ученик тьмы

Траун. Доминация. Грядущий хаос

Траун. Доминация. Высшее благо

III Месть ситхов

Бракованная партия (сериал)

Джедаи: Павший Орден (видеоигра)

Хан Соло

Траун

Траун. Союзники

Траун. Измена

Повстанцы (сериал)

Изгой-один

ЗВЁЗДНЫЕ ВОИНЫ™

ХРОНОЛОГИЯ

IV Новая надежда

V Империя наносит ответный удар

VI Возвращение джедая

Мандалорец (сериал)

Сопrotивление (сериал)

VII Пробуждение Силы

VIII Последние джедаи

IX Скайуокер. Восход

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Эннилин Колуэлл, хозяйка магазина

Оррин Голт, фермер-влагодобытчик
и предприниматель

А'Ярк, вождь тускенского племени

Келли Колуэлл, дочь Эннилин

Джейб Колуэлл, сын Эннилин

Маллен Голт, сын Оррина

Вика Голт, дочь Оррина

Уайл Ульбрек, фермер-влагодобытчик

Лили Пейс, зелтронская художница

Бен Кеноби, новый поселенец

Давным-давно в далекой Галактике....

До поры до времени исчезнуть мы должны.

Йода

ПРОЛОГ

— СЭР, ПОРА БЫ ВАМ ДОМОЙ.

Уайл Ульбрек встрепенулся и уставился на пустой стакан:

— Ты че сказал?

Зеленокожий бармен похлопал старика по плечу:

— Я сказал, вам пора домой, господин Ульбрек. Хватит уже пить.

— Да я не об том, — сказал тот, потирая воспаленные глаза. — Ты назвал м'ня «сэром». А п'том — «господином». — Он с подозрением присмотрелся к бармену. — Ты ваще органик... или дроид?

Тот вздохнул и пожал плечами:

— Вы опять за свое? Я вам уже говорил: у меня большие красные глаза, потому что я из народа дуросов. А назвал я вас так из вежливости. А вежлив я потому, что не являюсь старым фермером-благодобытчиком, ополоумевшим от долгих лет на...

— Короч, — перебил его фермер с поседевшими бакенбардами. — Я ни с какими там дроидами делов не имею. Дроиды — воры, по-го-лов-но.

— Зачем дроиду воровать?

— Шоб отдать другим дроидам, — ответил Ульбрек, качая головой. Бармен был беспробудным идиотом.

— А зачем... — начал было тот. — Ладно, — осекся дурос. Достал бутылку и снова наполнил стакан старого фермера. — Закончим беседу на этом. Пейте уж.

Что Ульбрек и сделал.

В понимании старика, Галактику портило только одно: обилие народа. Народа и дроидов. Это уже второе зло;

но опять же, испортить целую Галактику чем-то одним — не маловато ли? Где справедливость-то? Мысли старого фермера склонялись к чему-то подобному даже в те моменты, когда он был трезв. За шестьдесят стандартных лет работы на влагоуловительной ферме Ульбрек родил немало теорий о жизни. Однако в ранние годы он так много работал в одиночестве — странно, но даже его собственные помощники не стремились к его обществу, — что все эти идеи так и копились невысказанными.

Вот для чего служили поездки в город: в них Ульбрек видел возможность поделиться с другими своим жизненным опытом. Главное, не нарваться на проклятущего дроида-грабителя, прикидывающегося зеленокожим барменом.

В «Пивную Джаникса» дроидам вход был воспрещен — так гласила древняя вывеска у дверей этого анкорхедского бара. Джаникс — кем бы он ни был — давно уж помер и упокоился в песках Татуина, зато бар остался: скудно освещенный подвальчик, заполненный смрадом от сигар, который едва перебивал тяжелый дух наломавшихся за день фермеров. Ульбрек редко сюда заглядывал, поскольку предпочитал заведение в оазисе, поближе к дому. Но, приехав в Анкорхед, чтобы задать взбучку поставщику запчастей для влагоуловителя, он решил заодно заправить здесь свою флягу.

Пропустив с полдюжину стаканов лума, старик начал было подумывать о возвращении. Дома его ждала жена, да и сам он чувствовал, что припозднился. С другой стороны, дома его ждала жена, так что лучше еще потянуть. Они с Магдой и так уже вдрызг разругались утром из-за того, о чем они ругались прошлой ночью. Ульбрек теперь уже и не помнил, о чем именно, и это было так приятно.

Тем не менее он был важным землевладельцем с уймой работников в подчинении, которые обворуют его до песчинки, если он будет отсутствовать слишком долго. Ульбрек взглянул сквозь завесу на хронометр, висевший на стене. Некоторые цифры на нем были вверх ногами или плясали. Ульбрек нахмурился. Он не одобрял танцев. В ушах звенело; фермер сполз с барного табурета с твердым намерением показать пляшущим цифрам, где джавы зимуют.

Но пол его опередил. Напал стремительно и вероломно, с не менее твердым намерением ударить фермера по лицу, едва тот зазевается.

— Так бы и вышло, если бы старика не ухватила чья-то рука.
— Аккуратней, — сообщил ему владелец руки.

Ульбрек поднял воспаленные глаза к лицу спасителя. На него в ответ из-под песочного цвета бровей смотрели голубые глаза.

— Я тя не знаю, — пробормотал старик.

— Не знаете, — подтвердил бородатый незнакомец в коричневом плаще, помогая фермеру снова опуститься на табурет. После чего отошел на несколько шагов, чтобы поговорить с барменом.

Ульбрек заметил в руке у бородача какой-то сверток. Фермер с беспокойством огляделся в поисках собственного свертка, пока не вспомнил, что никакого свертка у него отродясь не было.

— Вам тут не ясли, — почему-то заявил незнакомцу бармен. Почему — Ульбрек никак не мог взять в толк.

— Просто подскажите, как мне пройти, — ответил человек в капюшоне.

Куда кому идти — вот это фермер знал на «отлично». Он очень долго прожил на Татуине и объездил почти всю округу; и хотя ему почти нигде не понравилось, он был горд тем, что знает короткий путь куда угодно. В полной уверенности, что его совет окажется лучше того, который даст дроид, прикинувшийся дуросом, Ульбрек решил вмешаться.

В этот раз он ухватился за перила самостоятельно.

Старик с опаской оглянулся на стоявший на барной стойке стакан.

— С энтим пойлом шо-то не то, — сказал он бармену. — Ты... ты...

Незнакомец осторожно поинтересовался:

— Намекаете, что они разбавляют эль водой?

Бармен с усмешкой повернулся к посетителю в капюшоне:

— Ну да, мы только и делаем, что льем в дешевое пойло главную редкость Татуина. Оттого и гребем деньги лопатой.

— Да не, — пробурчал Ульбрек, пытаясь сосредоточиться. — Ты что-то при... подкинул мне в стакан. А потом загра... заграбастаешь мои деньжищи. Знаю я вас, городских.

Покачав лысой головой, бармен оглянулся на свою столь же безволосую жену, которая что-то мыла в раковине.

— Прикрывай лавочку, Юна, нас раскрыли. Столько лет уж складировем трупы клиентов в чулане. Придется, видать, с этим завязывать, — усмехнулся он незнакомцу в капюшоне.

— Я никому не скажу, — улыбнувшись, пообещал тот. — Взамен вы объясните мне дорогу. И дадите немного голубого молока, если у вас есть.

Ульбрек пытался уразуметь, о чем эти двое талдычат, но тут бармен поменялся в лице. Через арочный проем в бар со смехом и руганью ввалилось несколько подвыпивших молодчиков, и даже в пьяном угаре старый фермер все равно их опознал.

Брат с сестрицей Маллен и Вика Голт возрастом за двадцать, нерадивые отпрыски главного соперника Ульбрека на западе — Оррина Голта. А вместе с ними их дружки: Зедд Гроббо, здоровяк почище дроида-погрузчика, а второй — чуть ли не вполовину его роста — юный Джейб Колуэлл из одной соседской семьи.

— А ну забирайте отсюда малого! — выкрикнул бармен, едва заведя в заявившейся компании несовершеннолетнего. — Я уже сказал тут одному, что детский сад в квартале за углом.

Молодчики издали возглас неодобрения, а спаситель Ульбрека, прикрывая сверток, отвернулся к стене, подальше от дебоширов. Вика Голт протолкалась мимо Ульбрека и схватила бутылку из-за барной стойки. Дуросу она показала неприличный жест.

Ее приятели-бузотеры выбрали себе беспомощную жертву: Юну, благоверную бармена. Зедд подстерег испуганную женщину, когда та несла гору грязной посуды, и ради забавы раскрутил ее так, что стаканы разлетелись во все стороны. Один угодил в косматую голову посетителя за соседним столиком.

Этим посетителем оказался вуки, который незамедлительно поднялся на ноги, чтобы выразить свое неудоволь-

ствии. Ульбрек сделал то же самое, поскольку питал давнюю нелюбовь к роду Голтов и был рад возможности поставить нынешнее поколение на подобающее ему место. Но у вуки было право первого удара, да и стол, на который навалился Ульбрек, был каким-то неустойчивым, так что фермер решил поучаствовать в происходящем, лежа на полу. Он услышал какой-то шорох и сквозь пелену тумана в глазах отметил, что к нему присоединилась жена бармена, которая спряталась поблизости.

Вуки оприходовал Зедда тыльной стороной лапищи, и тот перемахнул через весь зал, приземлившись прямо на столик к некоей компании, которую Ульбрек уверенно распознал как воров, хоть ни одного дроида среди них не было. Старый фермер весь день и вечер поглядывал на зеленокожих длинноносых родианцев, гадая, когда же они к нему привяжутся. Уж подручных Джаббы Хатта он узнавал, едва завидев. Теперь они повскакивали из-за перевернутого стола, отшвыривая стулья и хватаясь за оружие.

— Никаких бластеров! — взвизгнул бармен, а запаниковавшие посетители между тем уже бросились к дверям.

Призыв услышан не был. Угодившие в капкан Голты, выхватившие бластеры еще в тот миг, когда вуки треснул их товарища, открыли пальбу по родианцам. Юный Джейб, быть может, тоже пальнул бы, если бы его не схватил вуки. Великан держал извивающегося мальчишку в воздухе с явным намерением размазать об стену.

Бородатый незнакомец опустился на колени и перегнулся через Ульбрека, обращаясь к жене бармена.

— Подержите, только аккуратно, — сказал он, опустив свой сверток ей на руки. И тут же бросился в сутолоку.

Ульбрек вернулся к наблюдению за дракой. Где-то в вышине вуки все-таки швырнул Джейба. Однако мальчишка каким-то образом разминулся со стеной; Ульбреку даже пришлось вытянуть шею, чтобы увидеть, как машущая руками и ногами фигура пролетела по неестественно изогнутой траектории и пропала за барной стойкой.

Ульбрек ошеломленно обернулся на Юну, как будто сверяясь: видела ли она то же, что и он. Но хозяйка застыла в ужасе и даже зажмурила глаза. Тут же в пол рядом с ними

угодил заряд. Женщина распахнула глаза. Коротко вскрикнув, она сунула сверток в руки Ульбреку и отползла по-дальше.

Испуганный фермер обратил взгляд на драку, полагая, что увидит вуки, молотящего мальчишку, как кусок мяса. А узрел вместо этого человека в капюшоне, который сжимал бластер Джейба и целился в потолок. Незнакомец произвел одиночный выстрел; над головами дерущихся разлетелась лампа, и в «Пивной Джаникса» воцарилась тьма.

Но не тишина. Был слышен рев вуки. Бластерная пальба. Дребезг разбитого стекла. А еще — странный гудящий звук, который заглушал даже звон в ушах Ульбрека. Фермер опасался выглядывать из-за опрокинутого стола, который прикрывал его от драки. Но когда все-таки решился, сумел разглядеть силуэт человека в капюшоне, окутанного потоком голубого свечения, и рассеянные оранжевые штрихи бластерных лучей, которые рикошетили в стену, не причиняя никому вреда. Сумрачные фигуры — те самые гангстеры-родианцы? — дернулись было вперед, но тут же с воем отшатнулись, когда их противник сделал шаг навстречу.

Ульбек, дрожа, сполз обратно под прикрытие стола.

Когда все стихло, старый фермер услышал негромкий шорох внутри свертка, который прижимал к себе. Неуклюже выудив из кармана фонарь, Ульбек зажег свет и заглянул под уголок тряпицы. Там пускал слюни крошечный младенец с клочком светлых волос на голове.

— Привет, — поздоровался Ульбек, не зная, что еще сказать.

Младенец что-то залепетал в ответ.

Рядом со стариком снова возник бородатый незнакомец. В свете карманного фонаря он выглядел как сама доброта, и похоже, он совсем не запыхался после тех энергозатратных занятий, которым посвятил последние несколько минут.

— Спасибо вам, — произнес незнакомец, забирая сверток. Он начал было подниматься, но замер. — Прошу прощения. Вы не знаете, как добраться до фермы Ларсов?

Ульбек почесал подбородок:

— Т-туда можно попасть четырьмя или пятью маршрутами. Дай-ка покумекать, как лучше...

— Не стоит беспокойства, — прервал его незнакомец. — Я сам найду. — И они с младенцем растворились в темноте.

Ульбрек поднялся на ноги, разогнав светом фонаря окружающий его мрак.

Он увидел дрянного мальчишку Маллена Голта, которого откачивала его не менее дрянная сестра, а еще — ковьявшегося к выходу Джейба Колуэлла. Снаружи в проеме мелькнул силуэт вуки, который, по всей вероятности, устремился в погоню за Зеддом. Бармен сидел у дальней стены и утешал жену. Головорезы Джаббы лежали вповалку на полу.

Старый фермер укрылся обратно за баррикаду. Что же произошло? Неужто незнакомец в одиночку разделался со всеми отморозками? Ульбрек не видал при нем никакого оружия. А Джейб вообще как будто завис в воздухе и опустился за барную стойку — это как понимать? И что это за голубое свечение, будь оно неладно?

Ульбрек встряхнул раскалывающейся от боли головой, и помещение вокруг немного поплыло. Нет, залитым глазам верить нельзя. Никто не рискнет в одиночку выступить против подручных Джаббы. И никому даже в голову не придет приволочь младенца в бар, где случаются драки. Приличный человек так не поступит. И уж точно не какой-то там геройский герой.

— До чего же пакостный народ, — бросил Ульбрек в пустоту. А потом заснул.

МЕДИТАЦИЯ

Я наконец доставил свой груз.

Надеюсь, вы, учитель Квай-Гон, можете читать мои мысли: вашего голоса я не слышал с того самого дня на Полис-Масса, когда учитель Йода сказал, что мы можем общаться с вами при помощи Силы. Как вы помните, было решено, что я должен отвезти сына Энакина в безопасное место к его родственникам. Теперь я это сделал.

Так странно находиться в этих местах и при этих обстоятельствах. Много лет назад мы забрали с Татуина ребенка, полагая, что он — величайшая надежда Галактики. Теперь же я привез сюда другого — с той же самой мыслью.

Надеюсь только, что в этот раз все сложится лучше. Ведь путь к этому мигу наполнен болью. Для всей Галактики, для моих друзей... и для меня.

Я до сих пор не могу поверить, что Ордена джедаев больше нет, а Республика поработочена Палпатином. И точно так же поработочен Энакин. Голозаписи тех минут, когда он убивал младших учеников в Храме, преследуют меня в кошмарах... и изо дня в день разрывают мне сердце.

Но, пережив ужас детских смертей, мы обрели надежду в младенце. Как я сказал: груз доставлен. Мы стоим на гребне дюны с моим верховым зверем — моей эопи — и смотрим на дом Ларсов. Оуэн и Беру Ларс у дверей с младенцем на руках. Последняя глава дописана; начинается новая.

Я подыщу себе жильё поблизости, хотя подозреваю, что, если буду маячить у них перед глазами, Оуэн захочет, чтобы я переселился подальше. В этом, пожалуй, есть свой резон. Кажется, я притягиваю неприятности — даже в такой глуши, как эта. Вчера мы попали в переделку в Анкорхеде, а перед этим — в одном из транзитных космопортов. К счастью, ни одна из них не касалась меня лично или причины моего пребывания здесь. Но я не могу позволить себе поступать как Оби-Ван Кеноби. Размахивать световым мечом — это все равно что завопить на всю округу: «Я рыцарь-джедай!» Полагаю, даже Татуин не настолько глухомань, чтобы народ не разобрался, что к чему.

Так тому и быть. Отныне и столько, сколько потребуется, я забочусь только о собственных делах и ни во что не ввязываюсь. Я не могу одновременно быть рыцарем на этой планете и оберегать нашу надежду для других планет. Мой удел — отшельничество.

В городе — даже таком захоластном, как Анкорхед, — ритм жизни чересчур высок. А вот глубинка — иное дело. Я уже чувствую, что время здесь движется по-другому: в ритме жизни пустыни.

Да, я полагаю, что все придет постепенно. Я буду жить вдали от чужих глаз, в уединении. И лишь мои сожаления останутся со мной.

Если бы только существовало место, где можно скрыться и от них.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

ОАЗИС

ГЛАВА ПЕРВАЯ

ЗДЕСЬ ВСЕ ОТБРАСЫВАЕТ ДВЕ ТЕНИ.

Так порешили солнца на заре сотворения. Их связывали крепкие братские узы, пока младший не показал племени свое истинное лицо, и это было грехом из грехов. Старший брат попытался убить младшего, как и должно.

Но не преуспел.

Младший — пылающий, кровавый — преследовал старшего по небесному своду. Коварное древнее светило укрылось за холмами, но не суждено ему было найти покой во веки вечные. Ибо младший явил миру лишь свое лицо. А старший явил свою несостоятельность.

И тому были свидетели — на горе себе.

Первые песчаные люди застали битву в небе. Покрытые позором солнца обратили свой гнев на невольных зрителей. Взгляд с небес прожигал смертных, срывая плоть и обнажая тайны души. Песчаные люди видели свои тени на песках Татуина и прислушивались. Младший призывал нападать. Старший повелевал прятаться. То были устремления проклятых.

И песчаные люди отныне были прокляты. Двойная тень святотатства и позора неотступно следовала за ними. Они прятали свои лица. Сражались. Устраивали набеги. Бежали сами.

Песчаный народ предпочитал нападать ночью, когда ни один из небесных братьев не мог им наушничать. Но только не А'Ярк, чье племя всегда охотилось на рассвете. В такое время шепот теней тише — но поселенцы, осквернившие

землю, отчетливо видят свою погибель. И это крайне важно: старший брат потерпел неудачу, пытаясь убить младшего. А песчаный народ не потерпит неудачи — как не терпел и раньше, — убивая поселенцев. Солнцу будет преподан наглядный урок, оно научится...

Пора.

— Тускены!

Резкий бросок в сторону старого фермера, криком предупредившего своих. Металлический гадерффай, дробя кость, вгрызается в выбритый подбородок. Жертва повержена на землю, но все еще не сдается, пытаясь сквозь кашель повторить свой вопль:

— Тускены!

Много лет назад этим именем другие поселенцы нарекли песчаных людей, разоривших форт Тускен. Новое слово легко прижилось в языке коренных жителей: еще одно доказательство, что у нахлебников нет ничего такого, что песчаный народ не смог бы у них отнять. Но слышать гордое имя из уст мерзких тварей было отвратительно — притом что редкие представители этого вида были столь же уродливы, как этот гнусный поселенец, корчащийся ныне на земле. Человек был стар. Если не считать повязки на голове поверх раны, его белеющие волосы и морщинистая кожа не были ничем прикрыты. Отвратительное зрелище.

Массивный гадерффай пробил металлическими перьями грудную клетку поселенца. Кости хрустнули. Острие, пройдя насквозь, заскобило по каменной породе. Старик издал последний вздох. Гордое имя тускенов вновь стало принадлежать лишь песчаному народу.

Теперь — скорее к низкой постройке неподалеку. Раздумывать некогда. Ни один хищник на Татуине не остановится, чтобы оглянуться на убитых. И тускены поступают так же.

Долгие раздумья грозили неминуемой смертью.

Гнусное человеческое жилище походило на гнездо скетто: словно омерзительная капля вязкой жижи, наполовину просочившаяся в землю. Постройку возвели из фальшивой

породы, которую поселенцы называли синтекамнем. Эка невидаль.

Снова вскрик. В дверном проеме возникло одутловатое двуногое существо с бугристым черепом, размахивающее бластерной винтовкой. И лишь в последний миг различило, как А'Ярк молниеносно выхватывает гадерффай и одним броском выбивает оружие у него из рук. Каким образом бластерная винтовка разносит свои жертвы в клочья, было загадкой, однако гадать об ответе необязательно. Оружие на то и оружие. Налетчики обернули его против поселенцев, этих никчемных приживальщиков.

Впрочем, не таких уж и никчемных. Некоторая польза от них была: запас винтовок, который можно было присвоить. Это было бы смешно, если бы вождю племени тускенов хоть раз в жизни довелось смеяться. Но сама идея была столь же чуждой этому миру, как бледнокожий труп, распластаный на полу.

Какие все-таки странные твари обрели прибежище в пустыне. И здесь же нашли свою смерть.

В хижину ввалились еще двое воинов. Незнакомых воинов. Давно прошли те времена, когда в походе спину прикрывали исключительно братья. Эти двое стали переворачивать ящики, рассыпая содержимое по полу. Железки, одни железки. Поселенцы помешались на них.

Да и воины племени тоже — а ведь сейчас было совсем не до железок. Ну как тут не рявкнешь...

— Н'гаайих! Н'гаайих!

Молодежь не отреагировала. Да и с чего бы им — чужим сыновьям. Тут бы со своим единственным разобраться, а тот совсем еще мал, чтобы на войну ходить. Вот только и отцы этих юнцов давно сгинули. Такие времена, ничего не поделаешь. Могучие племена превратились в сборища рубак, и их число неуклонно сокращалось, а уцелевшие воины одного отряда старались примкнуть к другому.

Да и эта вылазка сама по себе была свидетельством их отчаяния. Ни один из ее участников не достиг и половины нынешнего возраста предводителя, а повидали они и то-

го меньше. Лучшие воины полегли уже годы и годы назад, а эти юнцы наверняка не доживут до того момента, когда смогут побороться за бремя вождя. Они были глупцами, и если не погибнут от руки предводителя за свою глупость, то все равно умрут — как-нибудь по-другому.

Впрочем, не в это утро. Цель была подобрана со всем тщанием. Ферма располагалась близ Джандлендских пустошей, на отшибе от других поселений. И здесь было установлено несколько нечестивых конструкций, при помощи которых местные обитатели тянули воду с неба, коим никто не имел права обладать. Чем меньше шпилей — «влагоуловителей», как называли их фермеры, — тем меньше поселенцев. Вот и сейчас казалось, что здесь никого не осталось. Если не считать бранящихся между собой юных воинов, вокруг было тихо.

Но вождя, прожившего сорок оборотов небесного свода, не проведешь. К входной двери была прислонена винтовка. Оружие, нечаянно оставленное стариком? А если подтянуть ее поближе к серебристому ротовому раструбу — чем пахнет?

Фу. Одним небрежным движением винтовка была разбита о дверной косяк. Из нее убили тускена. От приклада еще не выветрился запах пота с того дня. Запах принадлежал отнюдь не старику и не той белой твари, которую поселенцы называли битом. Поблизости затаился кто-то еще. Однако винтовка ему больше не пригодится, это точно.

Оружие, убившее тускена, не страшнее, чем любое другое; подобным суевериям могли поддаться лишь слабые духом. Но как тускены ценили своих бант, так и поселенцы, по всей вероятности, ценили некоторые винтовки, вырезая символы на прикладах. Владелец этой был поопаснее того же старика или бита, но в другой раз ему придется прибегнуть к чему-нибудь новому и непривычному. Если он выживет сегодня.

А уж А'Ярк проследит, чтобы не выжил.

Следы на песке вели на задний двор, где с жужжанием оскверняли местность три бездуховных влагоуловителя.

За ними стоял небольшой сарай для служения гадким машинам.

Как кстати. Да прольется кровь за всю уловленную влагу — медленно, на глазах у солнц-близнецов. Все украденное поселенцами вернется капля за каплей в песок.

— Ру-ра, ру-ра! — вспомнить старые слова было не так уж и просто. — Мы здесь пришли с мир.

Ответа не последовало. Это само собой — однако внутри хибары кто-то прятался и все слышал. Вождя переполняла гордость за хорошую память. Много лет назад к их семье присоединилась женщина-человек — тускены часто пополняли свои ряды, похищая чужаков. Вот и сейчас им нужна была свежая кровь, но отсюда они никого брать не станут. Слишком уж оскорбительным было то, что поселение выстроили в такой близости от пустошей. Они умрут, а другим будет неповадно, и Джандленд оставят в покое.

Из дома высыпали другие воины и обступили сарай. Тускенов в отряде было восемь — теперь их никто не остановит. Воины замерли, наблюдая за тем, как А'Ярк, сжав обмотанными тканью пальцами древко гадерффая, вставляет траанг — крюк на конце посоха — в дверную ручку.

Металлическая дверь со скрипом растворилась. Внутри, среди запасных частей к алчным машинам, съежились трое трясущихся людишек. Черноволосая женщина прижимала к себе закутанного в пеленки младенца, а мужчина-шатен обнимал их обоих. В руке он сжимал бластер.

Вот он, владелец разбитой винтовки, — и как же явно человеку ее не хватает! Подавив страх, молодой поселенец посмотрел прямо в здоровый глаз тускена:

— Уходите... прочь! Мы не боимся.

— Поселенцы лгут. — Непривычные слова из уст предводителя отряда привели людей в замешательство почти так же, как и самих тускенов. — Поселенец жлет.

Восемь гадерффаяев взметнулись вверх, и в утреннем свете засверкали острия. Несколько из них найдут свою цель. И небесный брат снова увидит, что значит настоящая храбрость...

— Айооо-ЭЭЭ!

Эхо унесло рев за горизонт. Воины все как один обернулись на север. Звук раздался снова, на этот раз громче. Ошибиться было невозможно.

Самый юный тускен первым озвучил свой страх: крайт-дракон!

Воин-ребенок развернулся — и запутался в собственных ногах, рухнув ничком в песок. Остальные смотрели на вождя, чей взор вновь был обращен к сараю. Читать по человеческим лицам было не так уж сложно — но сейчас их вид ошеломил даже матерого мародера.

Фермер и его жена не просто испытали облегчение. Они ликовали.

При приближении крайта? Опаснейшего хищника Татуина после тускенов? Как видно, да. Но и это еще не все. Молодая мать свободной рукой сжимала еще что-то.

Воинам была подана резкая команда, но поздно. Звук над головами был столь ужасающим, что не устоял никто. Давешние мародеры, удирая и пытаясь прорваться туда, где припрятали добычу, едва не затоптали упавшего юнца. Остальные прижали гадерффаи к груди и бросились за дом.

Нельзя. Нельзя! Не тому их учили. Совсем не тому! Но они разбежались, даже не выяснив, где дракон, и оставили своего предводителя наедине с поселенцами. Молодой фермер все так же держал бластер наведенным, но не стрелял. Возможно, он прикинул все риски и решил, что оружие само по себе отпугнет их с большей вероятностью, чем выстрел дрожащей рукой.

Но это не важно. Если поселенцы рассчитывали на отвлекающий маневр, свой шанс они получили. Что же, пусть ликуют оттого, что А'Ярк отступает, взбивая пыль полами своих коричневых одеяний.

Воины носились по двору туда-сюда. В таком реве ни один окрик не был услышан. Что-то было в этом странное — но что? Никто не мог прикинуться крайт-драконом! А если бы и смог, то звук не был бы таким...

...механическим?

— Айооо-ЭЭЭ!

Никакой ошибки. Рев дракона превратился в пронзительный визг, воспроизвести который не под силу легким живому существу. Новый источник усилившегося звука вмиг себя выдал: рупор, привинченный к одному из серебристых столбов посреди двора. А между тем над холмами к северу и востоку раздавался точно такой же рев.

С губ вождя сорвался отчаянный крик:

— Продорра! Продорра! Продорра!

Подделка!

Молодые мародеры вновь возникли в поле зрения — бежали через бугор обратно к ферме. Ладно, хоть кто-то услышал в таком-то шуме. Теперь, возможно, они сумеют...

Выстрел! Одного из бегущих охватило со спины оранжевое свечение. Другой обернулся — и вмиг был зажарен заживо. Тело вождя среагировало само, моментально скрючившись под прикрытием проклятого влагоуловителя.

— Уа-ху!

Над барханом мазнуло металлическим, медно-зеленоватым. Знакомая картина: лендспидер, который ранее преследовал их у высокой скалы. Сейчас, как и тогда, в его открытой кабине теснилось несколько молодых поселенцев, гогочущих и стреляющих наугад.

Стоило только перекатиться за другой влагоуловитель, как вернулась прежняя уверенность. Никакого крайт-дракона не было, были только поселенцы. Тускены могли бы их одолеть, могли бы выстоять.

Но они и не думали стоять. Один рванул в неизвестность востока, и за ним устремились два других лендспидера. А неуклюжий воин-ребенок, лишь несколько дней назад переживший обряд инициации, спрятался за сараем, трусливо скребя песок. Куда подевались остальные — только солнцам известно.

Плохо.

Первый спидер облетел поселение по кругу, и все это время его седоки поливали окрестности огнем. Потом появился другой, более изящный, с округлыми очертаниями. В открытом салоне, защищенные лишь ветровым щитом, умещались двое: суровый мохнолицый мужчина управлял ма-

шиной, а его спутник постарше бесстрашно привстал с сиденья.

Этого человека воины племени уже видели, правда издалека. Гладко выбритый, старше почти каждого из живущих ныне тускенов... и все время с одним и тем же неясным выражением на лице.

Улыбчивый.

— Ребята, давайте к югу! — крикнул он, сжимая в руках макробинокль. — Загоняй их!

Понимать все его слова было необязательно — смысл был очевиден. Пропавшие воины не таились поблизости, готовясь выступить. Разбитый отряд ударился в бег.

Завидев лендспидер высокого человека, съезжившийся юный тускен пискнул и вскочил на ноги. Обронив гадерффай, он бросился наутек.

— Уррак!

Стой!

Но поздно. Первый лендспидер качнулся, и его шумные седоки изрешетили убегающего бластерным огнем. И шести дней не прошло, как он стал воином, а умер за секунды.

Это было уже слишком. Бежать — за хибару, только оружие, конечно, не бросать. Бежать подальше от гогочущих поселенцев, которым глаза застили их убийства. Пугаясь в развеваемой рваной материи, перевалиться через дюну в пыльный распадок. Потом еще одна дюна, а за ней и другая.

Наконец, задыхаясь, опуститься на землю. Трое погибли... а может, и больше. Песчаный народ не мог себе позволить потерять ни единого воина.

Хуже того — они проиграли поселенцам из-за подлой уловки, на которую еще четыре года назад не купился бы ни один тускен. И теперь поселенцы знают: могучие тускены уже не те, что раньше.

На ноги подняться удалось с большим трудом. Взгляд упал на песок: старшая тень удлинилась. Как и старший брат, отряд нанес удар — и промахнулся.

Настало время тускенам прятаться. Снова.

ГЛАВА ВТОРАЯ

ОРРИН ГОЛТ ВОЗВЫШАЛСЯ НАД ПОСЕЛЕНИЕМ, НАДМЕННО созерцая, как тускены бегут со всех ног — и находят лишь смерть. Обхватив рукой шпиль влагоуловителя, он проводил взглядом последний скрывшийся за горизонтом ленд-спидер.

— «Клич», все в порядке, — произнес он в комлинк. — Вырубайте.

Отпустив кнопку комлинка, он прислушался. В ушах до сих пор стоял звон от установленной на влагоуловителе сирены, которую он только что отключил вручную. Щурясь из-под полотняных полей походной шляпы, Оррин обводил взором окрестности. Все сирены в километрах отсюда одна за другой смолкли, и тишина снова вернулась в пустоши.

Он взглянул на комлинк и расплылся в улыбке. «Оррин, старина... умешь ты всех построить». Было приятно достичь того периода жизни, когда окружающие выполняют то, что ты им говоришь. Тем более на Татуине, где люди рождались строптивыми и никто не подчинялся чужим приказам.

Опасность миновала. Впервые после того, как был получен сигнал о бедствии, Оррин позволил себе глубокий вдох и оглядел неплодородные просторы. Сам он родился почти пятьдесят лет назад на такой же ферме, вдалеке даже от самого захолустного транспортного узла. И даже сейчас по утрам не было для него ничего отраднее, чем отправиться в патруль.

Из-за этого его считали психом. Все его знакомые предпочитали вечер, когда жара отступала. Но как только солнца скрывались и воздух облеплял тебя тяжелой неживой массой, надо было спускаться в подземные укрытия. После заката не жди ничего хорошего, кроме рыскающих тускенов да еще кого — поди разбери. А утро было словно освобождением из тюрьмы, — по крайней мере, так виделось Оррину. На Татуине ты всю ночь проводишь в норе, как вомп-крыса, но лишь в ту секунду, когда выходишь наружу, становишься человеком.

А потом наступал тот краткий период между восходами первого и второго солнца, когда мимо в последний раз проносился холодный ночной ветер и сама планета словно вздымалась. Успешные влагодобытчики только и жили этими моментами, когда драгоценные капли, родившиеся в эту ночь, вдруг понимали, что на них охотятся, и пытались скрыться. Сметливые фермеры вроде Оррина чуяли их и шли по следу. И настичь их было возможно — потому что при дневном свете тебя ничто не могло остановить. Не в этих местах. Не по нынешним временам.

Таковы были правила. Новые правила, может быть, — но это были его правила, установленные благодаря тяжкому труду и наставничеству.

«Кажется, эту свору тускенов предупредить забыли», — подумал фермер, спускаясь по лесенке. Разбойники погубили не только утро местных жителей. Оррин поморщился. Путь тускенов вглубь поселения был усыпан «кишками» ремонтных и охранных дроидов. Два влагоуловителя искрились, эксплуатационные люки у их подножия были распахнуты настежь. То тут, то там по всему двору виднелись пятна выжженной земли. Отдельные еще дымились, а песок был расплавлен бластерными выстрелами до сверкающего стекла. Это уже его ребята постарались, не тускены. Оррин никогда не слышал, чтобы Красный Глаз врвался в поселения с бластерами.

Красный Глаз. Никто другой не смог бы организовать эту вылазку. Ни один тускен в этой части Джандлендских пустошей не осмеливался нападать на рассвете. Но никому

даже мельком не удавалось взглянуть на Красного Глаза и дожить до того, чтобы рассказать об этом. Тем, кто выживал, Оррин намекал, что они столкнулись не с Красным Глазом, а с каким-то другим тускеном, у которого нрав-то полюбезнее. Описания печально известного разбойника различались. Худой или толстый? Мужчина или женщина? Низенький и коренастый или вуки в балахоне?

Только по двум пунктам все рассказы сходились. Красный Глаз был беспощаден, как пожар; и тогда как прочие песчаные люди глядели на мир сквозь металлические шоры, этот разбойник, должно быть, где-то лишился одного глаза. Вместо того чтобы снять окуляр, Красный Глаз вставил в него алый камень.

Или вроде того. Правый то был глаз или левый, никто подтвердить не мог. Впрочем, на этот раз все могло быть по-другому. Они прибыли достаточно быстро, чтобы застать кого-то из очевидцев в живых.

К тому времени как раздался клич — или, точнее, «Клич», — Оррин был уже час как одет и на ногах. Благодаря этому, а также близости его отряда семья Беззард была спасена от страшной участи. Однако и то, что случилось до их прибытия, было весьма удручающе. Двое соседей Оррина — кузены по линии его бывшей жены — вышли с черного хода, неся на руках тело работника-бита. Когда они проходили мимо, Оррин опустил взгляд. Ребята позаботятся о похоронах — равно как и несколько добровольцев, которые в данную минуту сжигали тела мертвых тускенов к востоку от дюны. Надо было, насколько это возможно, оградить Беззардов от переживаний.

Он и сам через это прошел. Когда погиб его младший сын — вот так же бессмысленно.

Оррин услышал в доме какой-то шум.

— Маллен, это ты? — спросил фермер.

— Угу.

Из дверей постройки вразвалочку вышел старший сын — Оррин никак не мог заставить себя привыкнуть, что теперь это его единственный сын, — с обломками бластерной винтовки в руках.

- Похоже, это был Красный Глаз, — сообщил Маллен.
- Уж догадался.

Маллен, прятавший черты лица за темными очками, мог показаться копией своего отца двадцатипятилетней давности — если бы не старался изо всех сил выглядеть по-другому. Оба были высокими и крепко сбитыми; краснощекими, что свойственно людям, рожденным и выросшим в песках. Этим их сходство исчерпывалось. Волосы голубоглазого Оррина были подернуты элегантной сединой. Он старался выглядеть опрятно даже в патруле: мало ли с кем доведется повстречаться. А вот Маллен, когда его подняли по тревоге, был в той же самой одежде, в которой до этого всю ночь куролесил. Вполне в его стиле. Пару лет назад в одной заварушке с кидалами в Анкорхеде он лишился нескольких зубов, а совсем недавно в том же городе история повторилась.

Люди поговаривали, что именно из-за этого Маллен хмурится так же часто, как его отец улыбается, однако Оррин знал, что причина не в этом. Мальчик уже в колыбельке недовольно морщил лицо.

Старый фермер забрал у сына разломанную винтовку. Другие тускены не оставили бы ничего, что сочли бы полезным для себя. Красный Глаз в этом плане был привередой.

- Сколько их тут было?

Маллен пощипал бородку и привалился к двери, чтобы почесать спину о косяк.

— Тридохлых тускена во дворе. Потом те, что драпанули к холмам. Вика говорит, что потеряла их у разлома Роя. — Маллен вскинул взгляд на отца. — Я подумал, что ты захочешь отозвать погоню. Так что они возвращаются.

Оррин фыркнул:

— Соскучиться по Красноглазке мы точно не успеем. Назавтра, как придет время завтракать...

Он запнулся. Из дома донеслись горькие рыдания.

— Хозяйка. Как она?

— В прихожей со своим стариком, — ответил Маллен. — Потряхивает ее знатно.

— Надо полагать. — Оррин поднял голову. — Кто с ней там?

— Я же сказал — ее старик.

Фермер вытаращился на сына:

— Мертвый? — Он бросил обломки винтовки на землю. — Маллен, я же приказал тебе проследить, чтобы кто-нибудь побыл с ней. И ты решил — пусть это будет ее погибший отец?

Тот молчал, только хлопал глазами.

— Маллен, ну как так? — Оррин поморщился и ткнул двумя пальцами в перемычку очков сына, слегка приложив того головой о косяк. — Слов нет.

Молодой человек только молча проводил отца взглядом до лендспидера. Фермер нашел за пассажирским сиденьем свой твиловый плащ и, обернув им плечи, оглядел дом. Нелегкая предстоит работенка.

Увидев на ступеньках темноволосую Тайлу Беззард, укачивающую мертвеца, он тяжело вздохнул. То, что натворили разбойники, было ужасно — вне всяких сомнений, это дело рук Красного Глаза. Но еще сильнее угнетало то, что молодая женщина как будто не замечала, в каком состоянии находится тело ее отца.

Она почувствовала приближение Оррина, даже не поднимая головы.

— Папочка, к нам кто-то пришел.

Оррин снял шляпу и машинально опустил на колени рядом. Он знал Тайлу еще маленькой девочкой. Ее отец, Лото Пелейн, двадцать лет проработал на ферме Оррина. Пока Лото не завел собственного хозяйства, их дети все время играли вместе. Оррин накрыл плечи Тайлы своим плащом. Она тут же прижалась головой к его груди и дала волю слезам.

— Я знаю, Тайла, все знаю, — произнес он, обнимая ее. — Все это так отвратительно. — Он опустил взгляд на мертвеца, неуклюже перекинутого через ее колени. На голове Лото Пелейна была повязка недельной давности — сюрреалистичное зрелище, учитывая, в какое месиво превратилось его тело. Оррин отвел взгляд.

Тайла всхлипнула:

— Я... я старалась не забыть, господин Голт...

— Оррин.

— Я старалась не забыть. Вы дали нам сирену и пульт от нее, — выдавила из себя женщина, сунув ему под нос устройство. Она так сжимала этот пульт, что тот чуть не треснул. — Я так испугалась. — Она с трудом втянула воздух. — Даже не сразу смогла вспомнить, как включается сирена...

— Ничего, — утешал ее фермер. — «Клич поселенцев» сработал как должно. Мы услышали твой сигнал. И явились сюда по первому зову. — Он мягко поднял Тайлу со ступеньки, отчего тело Лото почти незаметно выскользнуло из ее объятий. — Ты молодец. Твои муж и сын в безопасности. Мы разделались с тускенами.

— Да мне-то что?! — Тайла опустила взгляд на тело отца. — Я не хочу здесь оставаться! Ни за что!

Оррин Голт отстранился и сжал своими крепкими руками ее плечи, помогая распрямиться.

— Послушай-ка. Мы с твоим отцом были хорошими приятелями. Ты знаешь, что Лото был бы не в восторге, услышь он такое. Он боялся тускенов не больше, чем собственной тени.

Тайла скосила взгляд на повязку на голове отца и шмыгнула носом.

— Знаете, они чуть не прикончили его месяц назад... Напали ночью в его же доме. Поэтому он переехал к нам. Ему уже стало лучше. Он говорил, что раз уж спасся однажды — спасется и второй раз...

— Верно. «Клич» вас спас. Ты все сделала правильно...

Тайла снова всхлипнула. Оррин ждал. Все это он видел не раз — хотя в последнее время реже, чем раньше.

— Это печально, никто не спорит. Но и мы их хорошенько выпотрошили, а со временем доберемся и до тех, кто уцелел. И тогда всем станет лучше. Понимаешь?

Тайла отшатнулась с неожиданной злостью:

— Чего им надо? Этой нечисти...

— На Татуине полно песка, а в нем полно всякой нечисти, — кивнул Оррин и оглянулся: у стоявшего в дверях Маллена все было готово к похоронам. — Я пойду проведу твоих мужа с сыном. Ребята позаботятся о твоём отце,

а ты пока поезжай в оазис. Эннилин Колуэлл приютит вас на эту ночь.

Тайла покорно кивнула и пошла прочь, даже не заметив, что ее платье превратилось в заляпанную кровью тряпку.

Когда она оказалась за пределами слышимости, фермер с сомнением поглядел на сына:

— Ты сможешь хоть пять минут побыть с нею, не доводя до очередной истерики?

Маллен ответил приглушенно:

— Ладно-ладно. Но чего ты не спросил ее о Красном Глазе? Сам же сказал, что...

— Где моя шляпа? — Оррин пошарил взглядом по полу. — Я тебя ею поколочу. Иди уже!

Теллико Беззарда, молодого хозяина фермы, Оррин нашел в гараже, наполненном шумной суетой. К тому моменту отряд уже вернулся из погони. Взрослые — что скорее определялось их здравомыслием, нежели возрастом, — незамедлительно принялись за все те дела, которые следовало выполнять в подобных обстоятельствах. Хотя официально командира у отряда не было, в прошлом Голт всегда брал руководство на себя, и сейчас ему было отградно видеть, что почти все его наставления воплощаются в жизнь. Кто-то из ребят делал уборку в доме. Другие занялись ремонтом влагоуловителей. Третьи собирали вещи, которые могут понадобиться Беззардам во время их пребывания в Пикковом оазисе. Все трудились, хотя знали, что упускают самое подходящее время для плодотворной работы на собственных фермах.

А вот его дочь Вика и ее неизменный спутник, мелкий Джейб Колуэлл, сидели на ящиках, потягивая что-то из фляги в лучах утренних солнц. И была там явно не вода — иначе с чего бы Вике это пить? Со времени смерти ее брата-близнеца она твердо решила к своему двадцать первому дню рождения проделать все, чего тот не успел. А шестнадцатилетний Джейб, только пришедший работать на ферму Оррина, изо всех сил старался от нее не отставать. Сейчас они в красках расписывали, как уokoшивали тускена, а их слушателем был Теллико Беззард, который сидел неподвижно, укачивая на руках ни о чем не подозревающего малыша.

Бластер молодого фермера покоился на песке: из него так и не выстрелили.

Едва завидев приближение отца — и кислую мину на его лице, — Вика неловко усмехнулась.

— Ой. Прощеньца просим, — сказала она, сунув флягу Теллико. — Держи, старина. Пей на здоровье.

Измученный молодой фермер безучастно посмотрел, что ему дали.

Оррин Голт закатил глаза и решительно шагнул вперед.

— Здоровье — самое то. — Он выхватил флягу и зашвырнул ее за дом. После чего ожег Вику взглядом. — Принеси людям воды. Живее.

Вика, дернув уголками рта, удалилась, а за ней поплелся и Джейб. Оррин вздохнул. Дочка, в отличие от Маллена, умела быть обходительной, но ее участие в отношении окружающих было поверхностным. Когда всем остальным раздавали сочувствие, его детки где-то сообща прогуливали.

Как всегда, исправлять ситуацию выпало ему. Оррин пригнулся, опершись на колени, перед отцом и сыном.

— Ты как, ничего?

Теллико заговорил быстро и возбужденно:

— Да. Удивительно, как быстро вы к нам прибыли.

— Просто повезло. Когда вы включили «Клич поселенцев», мы с ребятами работали на вышках в западном секторе. Мы были уже на полпути сюда, а народ в оазисе только карабкался на свои лендспидеры.

Да, везение тут присутствовало — но также и надежный расчет. Так все и должно было работать. Когда на ферме включался «Клич», все, кто оказывался неподалеку, срывались с мест. Если поселенцы были при оружии и транспорте, они отправлялись на звук сирен. Если нет, собирались в Пикковом оазисе, а там за Даннаровым наделом, главным магазином тех мест, их ждало оружие и средства передвижения. Сирена в подвергшемся нападению поселении звучала иначе, чем соседние, однако все они, с расчетом на то, чтобы отпугнуть тускенов, воспроизводили рев крайт-дракона. Это было любимой придумкой Оррина.

— Сэр, это замечательное приспособление. Стоило каждого потраченного на него кредита.

Спаситель скромно улыбнулся:

— Расскажи о нем своим друзьям. Это ради всех нас, ты же понимаешь.

— Ее отец... Лото... был против покупки системы. Однако... — Молодой человек умолк и отвернулся. Только сильнее прижал к себе ребенка.

— Лучше выбросить все это из головы, — посоветовал Оррин. — Но кое-что ты все же припомни, если сможешь. Тускены. Что можешь о них рассказать?

Теллико резко повернулся к старому фермеру:

— Это был Красный Глаз. Никакой ошибки. Вместо правого глаза у него...

— Правого с твоей стороны?

Молодой человек указал на собственный правый зрачок:

— Нет, вот с этой. Пряма сверкал.

Оррин вздрогнул:

— Что, наподобие кибернетического?

Безумие какое-то.

— Нет, сэр. Скорее какой-то кристалл. На него попал луч света — и я не мог отвести взгляд. — Юный фермер содрогнулся, несмотря на палящие солнца. — Перепугался на всю оставшуюся жизнь.

— Могу себе представить. — Голт поскреб подбородок. — А еще что-нибудь?

Теллико задумался.

— По-моему, что-то не то с одеждой. Не было ремня через плечо. Но я, правда, так зациклился на глаза...

Оррин поднялся на ноги и похлопал Теллико по спине:

— Ну и выбрось это из головы, сынок. Пойдем, вам с Тайлой помогут. Эннилин приютит вас в Наделе на столько, на сколько потребуется.

Он проводил взглядом мужчину с ребенком, и сразу же после этого к нему подошел Маллен.

— Помощь еще нужна?

— Нет.

Маллен фыркнул:

— А ведь он держал Красного Глаза под прицелом и так и не выстрелил.

— По-моему, бедняга в тот момент не отличил бы бластер от отвертки. — Фермер оглянулся и хмыкнул. — Где там наша фляга?

Из дома вышли Вика и Джейб.

— А мне ты в такую рань пить запретил, — бросила девушка.

— Вот и приходится самому допивать, — ответил отец. Он повернулся к Джейбу — румяному, возбужденному после вылазки. Ему было столько же лет, сколько и Варану — близнецу Вики, — когда пять лет назад с ним случилось то несчастье. Одна из причин, почему Оррин взял Джейба в ремонтную бригаду: тот так и лучился жизнью.

Однако фермеру было хорошо известно, что ждет мальчишку дома.

— Пострел, когда твоя матушка узнает, что я взял тебя в рейд, мне придется подыскивать место на погребальном костре рядом с теми тускенами.

Вика открыла багажник своего щегольского лендспидера:

— Малой, хочешь, спрячу? Как раз сюда поместишься.

Джейб залился краской.

— Да не так уж все и страшно, — буркнул он.

— Еще как страшно, — припечатал его взглядом Оррин. — Ты будешь умолять джав, чтобы они тебя усыновили.

Он поднялся и дважды громко хлопнул в ладоши:

— Все, народ. Вы молодцы. Возвращаемся в оазис. Выпьем в Даннаровом наделе!

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

ПОЖИЛАЯ ДАМА ИЗ НАРОДА НИКТО БУХНУЛА НА ПРИЛAVOK
смотанный в рулон отрез ткани:

— Вы работаете или как?

Стоявшая за прилавком Эннилин Колуэлл даже головы не подняла от планшета.

— Нет, я сюда прихожу в свободное время описывать имущество.

Короткий удар сердца спустя она вдруг остолбенела.

— Пойдите-ка, — сказала Эннилин, разув глаза и обозревая помещение. — Прилавок. Касса. Накладные. — Будто в смятении, она повернулась к посетительнице с алебастровой кожей. — Извините, похоже, я и правда здесь работаю.

Они играли в эту игру ежедневно с того самого момента, как Эрбали Нап'ти впервые переступила порог магазина. Вот только для *никто* это не было игрой: Эрбали так и не запомнила в лицо хозяйку. Эннилин некоторое время полагала, что для той в силу ее инородного происхождения все люди на одно лицо. Со временем она поняла, что Эрбали просто не утруждает себя запоминанием лиц, — так и началась их игра.

Это было одиннадцать стандартных лет назад.

Сухонькая пришелица нетерпеливо цокнула языком:

— Посмотрите сюда. — По ткани постучал сморщенный палец. — Вы, может быть, знаете, почему она стоит так дорого?

— Нет, — ответила Эннилин, чопорно улыбаясь. — Почему?

Потрескавшиеся губы женщины-*никто* надулись. Она начала что-то бормотать, но хозяйка ее перебила:

— Секундочку. Мне нужно отойти по делам кантины. — Эннилин развернулась так резко, что взметнулся фартук, и продвинулась на полтора метра в сторону, туда, где ее галантерейный прилавок превращался в барную стойку. Она забрала стакан, опрокинутый осоловевшим посетителем, и вернулась к Эрбали. — Вот и снова я, — сообщила хозяйка.

Никто притопнула ногой:

— А еще кто-нибудь здесь есть?

— Ах это. Сейчас организуем. — Поставив стакан в раковину, Эннилин вышла из-за длинного прилавка и направилась к одному из дальних столиков, где над чашкой утреннего кафа чах зеленомордый родианец. Хозяйка похлопала его по плечу — он, кажется, даже не заметил. — Это Бомер, — отрекомендовала она родианца.

Эрбали окинула его взглядом:

— Он здесь работает?

— А кто его знает, — ответила Эннилин. — Однако толчется он здесь целыми днями.

— Вот спасибо так спасибо, — презрительно фыркнула пожилая дама и взяла курс на дверь.

Эннилин убрала ткань с прилавка и крикнула гостею вслед:

— Эрбали, я отложу это до вашего завтрашнего прихода. Счастливенько!

Эрбали ничего не ответила, только чуть не снесла по дороге Лили Пейс, лучшую подругу Эннилин, пришедшую отправлять посылку (подобные услуги здесь также предоставляли). Когда *никто*, хлопнув дверью, вышла, краснокожая желтронка от души расхохоталась.

— Энни в своем репертуаре, — выдала она. — Клиенто-ориентированный сервис. Ни один не уйдет без пары ласковых.

— Да кто их держит, Лили. — Эннилин кружила у одного из буфетных столиков, наводя на нем лоск. — Видишь ли, Даннар все продумал. Все они срываются время от времени.

Пока не вспомнят, что ближайшая забегаловка — в тридцати километрах отсюда. Тогда резко передумывают уходить.

— Оно и видно, — хмыкнула Лили, выкладывая свои свертки. — Ты сегодня с ней по-быстрому. Тебя что-то гложет? — спросила она подругу, катившую тележку с грязными тарелками за прилавок.

— Нет.

Эннилин и сама знала, что это неправда. Но то, что она сказала о Даннаровом наделе, действительности соответствовало. В Пикковом оазисе Надел был по всем статьям крупнейшим заведением. Пара куполов — часть какой-то древней фермы — стояла тут, сколько себя помнили старожилы. Ныне покойный муж Эннилин, Даннар, добавил еще построек, соединив один из куполов с овальным торговым павильоном под одной округлой крышей. Второй купол, стоявший позади, предназначался для проживания семьи и приема гостей.

Главное здание находилось во владении Эннилин на протяжении почти всей ее тридцатисемилетней жизни — и за это время она развила бурную деятельность, почти невозможную в столь ограниченном пространстве. Посетители на входе сразу же утыкались в ряды стеллажей, расположенных под таким углом, чтобы Эннилин могла видеть все проходы между ними со своего места за прилавком, который тянулся чуть ли не во всю длину восточной стены. Однако завсегдатаи, как правило, не задерживались у полок с ширпотребом, а сразу шли вглубь зала. Там, где дальний конец прилавка Эннилин переходил в барную стойку, располагалась кухня, и поблизости от нее — восемь узких столов. Ежедневно половина работников из окрестностей оазиса подкреплялась здесь физически и морально, причем не всегда в указанном порядке.

Таким было ее гнездо, но сам комплекс простирался дальше. К северо-западу от главного здания стоял первый построенный Даннаром гараж, предназначенный для обслуживания транспорта местных влагодобытчиков; с тех пор он много раз расширялся, по мере того как механики арендо-

вали все новые боксы. К северо-востоку располагались хлева, где несколько уцелевших животных с разоренной фермы отца Эннилин вскоре сделали ее успешной заводчицей, на радость тем безумным удальцам, что предпочитали рептилоидных рососпинников лендспидерам.

И конечно, сам оазис — простор, защищенный от ветров мягко перекаत्याющимися дюнами. На этой местности с комковатой почвой, в чаше доисторического озера высились пиковые ростки, несколько непривередливых деревьев дедеб и кое-что еще. Повсюду топорщились новомодные цилиндрические влагоуловители Оррина Голта, вырабатывающие воду для последующей доставки ее во вместительных цистернах, которые стояли за гаражами. Большая часть добытого предназначалась для дальних регионов; местные пили лишь столько, сколько им требовалось, и еще чуть-чуть про запас. Они знали, чем владеют, и насколько это ценно.

У Даннара был талант к добыче воды, но он никогда не помышлял об основании влагоуловительной фермы. Он рассудил, что пережить неурожайные годы с магазином легче, и, в сущности, так и вышло. Однако он оставил своей вдове столько побочных начинаний под одной коммерческой вывеской, что Эннилин боялась отлучиться хоть на денек — не то вся экономика этой глухомани пойдет прахом.

Хозяйка держалась молодцом, по крайней мере так она думала, изредка ловя взглядом свое отражение в стеклянной посуде в мойке. Порой она даже себя узнавала. Рыжеватые в юности волосы, обычно перевязанные сзади шнурком, потускнели, но не поседели — и на том спасибо. Работа в помещении никогда ее не прельщала, зато кожа не обгорала, оставаясь нежно-розовой.

А глаза Эннилин хранили чуть ли не единственную настоящую зелень этой планеты, если не считать рососпинников или родианских выпивох. Впрочем, считать рососпинников — это теперь работа ее дочери. Выглянув в квадратное окно, она увидела Келли, светловолосую, решительную, — девушка пыталась объезжать молодняк, пока тот не осознал, что ему под силу снести забор, было бы желание.

Эннилин с облегчением отметила, что Келли, по крайней мере, сегодня не со Злюкой. Зверюга была не из породы людоедов, но вскоре после рождения Злюку цапнул критль, и с тех пор рососпинник бросался на всех, кого видел. Эннилин думала, что у дочери хватит здравого смысла держаться подальше, но как бы не так. При дрессировке рососпинников даже боевой дроид ни от чего не застрахован, что уж говорить о семнадцатилетней девице. Но Даннар Колуэлл не признавал никаких рамок, и старшенькая пошла вся в него. Такой вот наследственный признак — упрямство.

Эннилин надеялась, что мальчик, Джейб, вырастет другим. Но и тут просчиталась. Из-за всех этих сирен, проблем с детьми и с посетителями она чуть не сорвалась. Эннилин бросила взгляд в окно, но тут же поморщилась. От боли.

— Ох!

— Что за новости? — встрепенулась Лили, положив на прилавок свою посылку и кредиты. Она указала на руки Эннилин. — Ты только что сама до онемения связала себе руки завязками от фартука. Весьма в тему. Хотя и несколько грубовато.

Хозяйка проследила за ее взглядом и размотала тесьму на покрасневшей ладони.

— А ты в нашем поселке, что ли, психиатром работаешь?

— Нет, но у меня пятеро детей. И я знаю, что раз ты не отрываешь взгляда от Келли и этих зверюг, значит она намеревается взобраться на спину самой бешеной из них.

Эннилин отвернулась от окна.

— Здесь ты не угадала, — сказала она, сгребая деньги. — Я всегда беспокоюсь о том ребенке, которого не вижу.

Когда раздался «Клич поселенцев», Джейб уже давно уехал с влагодобытчиками. Сын прекрасно знал, какого Эннилин мнения о его совместных делах с Оррином. Но и ей было известно, что его это не остановит. В какой-то момент она просто перестала его понимать. У Джейба было все, о чем мечтал каждый житель Татуина: безопасная жизнь с гарантированной работой в помещении. Идти по стопам отца — что может быть лучше? Но упрямый подросток то и дело

сбегал с командой Оррина. Эннилин, конечно, была осведомлена, что мальчику нравится фермерская дочка — Вика. Но добиться взаимности этой хулиганки... да проще стать канцлером всея Республики, или как там это сейчас называется.

«Нет, — пришла к выводу Эннилин, — он сбежал в сегодняшний утренний выезд в отместку за то, что его заставили чистить кастрюли перед рассветом». И если он потащился за ними в пекло, то тоже назло матери. Это ее несказанно раздражало. Назло — это глупо. Даже Келли достаточно умна, чтобы не пытаться объездить Злюку лишь ради того, чтобы кому-то что-то доказать. А ведь Эннилин всегда думала, что у Джейба с рассудком все в порядке, — в этом, как ей казалось, он должен был пойти в мать. Он бы послал тускенов куда подальше — или как?

Она боялась, что знает ответ. Достав инфопланшет с инвентарной описью, Эннилин снова уставилась в экран. Но не видела там, конечно же, ни строчки. Перед глазами стоял только Джейб... и Оррин.

Оррин. После смерти Даннара Надел процветал благодаря тому, что у Эннилин было единственное твердое правило: не обслуживать никого в долг. Исключение делалось только для одного человека — Оррина, лучшего друга и иногда делового партнера Даннара. Они водили дружбу с незапамятных времен, еще до того, как Эннилин подростком пришла работать к Даннару в магазин. У них было столько договоренностей, что она всегда стеснялась ставить ограничения. Но теперь Оррин просто испытывал ее терпение, дразня сына работой на выездах.

У самого Оррина в семье был полный кавардак. Зачем лезть в ее собственную?

Накрутив себя до предела, она снова попыталась сосредоточиться на инфопланшете.

— Ты держишь его вверх ногами, — заглянула через плечо Лили.

Эннилин не подняла головы:

— Ты еще здесь?

— Жду, когда ты мне денежку разменяешь.

— Чтобы на Татуине хоть что-нибудь менялось? Не ждешься. — Тяжело вздохнув, она посмотрела на Лили и слабо улыбнулась. — Сколько тебе сдачи?

Лили махнула рукой:

— Оставь себе. Купишь у доктора Мелла что-нибудь расслабляющее.

— Ага, — бросила Эннилин. — Билет до Алдераана.

В этот момент, словно услышав слова Лили, в боковую дверь просунул голову тот самый доктор, мон-каламари.

— Эннилин, они вернулись? — На Мелле был специальный капюшон, который обеспечивал его голову влагой, но лицо все равно покраснелось. — Отряд. Я слышал, как сработал «Клич».

— Это слышали даже на Суурдже, — буркнула Эннилин. — А у тамошних жителей вообще нет ушей.

Она не знала, есть ли уши у мон-каламари, но доктор Мелл вряд ли осудит ее за шутку. «Клич» представлял собой неуправляемый выброс децибелов. Много лет назад при первом запуске системы половина хрупких товаров в магазине попала с полок. Эннилин научилась вытеснять звук из сознания — навык, доведенный до совершенства за годы работы в торговле.

— Им может понадобится врач. Я, наверное, встречу их, когда пойду назад, — сказал доктор Мелл и, раскрыв пошире дверь, втокнул внутрь своего сына.

Эннилин замерла:

— Эй, подождите! Не оставляйте здесь ребенка!

— Я скоро!

Дверь захлопнулась.

Эннилин зашвырнула планшет подальше и потрогала лоб. Четверо детей остались здесь у нее на попечении, когда их родители сорвались по тревоге. Двое сидели за столом и ели что-то, стянутое с полок; еще двое где-то прятались. Нянькой Эннилин не занималась, но трудно отказать людям, которые бросают все дела, чтобы помочь кому-то в беде.

Впрочем, когда никаких бед не случалось, ей все равно зачастую подкидывали детей, за которыми нужно было приглядывать.

Хозяйка посмотрела на хлюпающего носом розовокожего оборвыша и возвела очи горе. Потом вздохнула:

— Ладно. — Она взяла мальчишку за плечи и указала на подставку у стены. — Бери метлу, пострел. И не вздумай ничего больше.

— Хорошо, мэм. — Малыш начал старательно шоркать пол неподалеку от стола, где сидели двое его сверстников.

Лили, приоткрывшая было дверь, чтобы уйти, рассмеялась:

— Удачи, Энни.

Эннилин нахмурилась, но не всерьез:

— Иди уже. Ты выпускаешь прохладный воздух.

С запада раздался глухой вой, медленно набирающий громкость и частоту. Хозяйка бросилась к прилавку, чтобы проверить картинку с камеры наблюдения на южном склоне холма. Она увидела, что и ожидала: лендспидеры, которые возвращались с фермы Беззардов.

И увидела также то, чего увидеть боялась. Джейба, лихо восседающего позади Вики Голт в ее шикарной машине.

Эннилин открыла окно и крикнула дочери:

— Келли! Принеси мне бантовый стек.

Девушка оторвалась от работы:

— Учебный или тот, большой?

Темные брови Эннилин сошлись в сердитый домик.

— Без разницы.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

ВОЗВРАЩАТЬСЯ В НАДЕЛ ДЛЯ ОРРИНА БЫЛО ВСЕ РАВНО что возвращаться домой. Само собой, Надел был не его домом, а Даннара. Потом — Даннара и Эннилин, а в последние несколько лет — одной Эннилин. Но привязанность Оррина к этому месту переходила все границы; те границы, что признавались на Тагуине, — уж точно. Оррин заложил здесь первые кирпичи построек, пригнал первый лендспидер в ремонт и съел первый обед у барной стойки.

Это обиталище было лишь имуществом, а так сильно привязываться к имуществу не принято. Но оно также было и последней ниточкой, связывающей его с лучшим другом, а это Оррин так просто сбросить со счетов не мог.

Надел был задуман с размахом. Даннар был горазд на задумки, в этом он был даже лучше, чем Оррин. Вместе они вершили в оазисе великие дела — мечтали, как однажды фермы Оррина и магазин Даннара вырастут во второй Анкорхед. Или даже в Бестин — Оррин вполне это себе представлял. У Пиккового оазиса хватило бы потенциала.

Но, женившись на своей продавщице, Даннар изменился. Он стал безвылазно сидеть в магазине и никогда не рисковал большим, чем мог без сожалений пожертвовать на данную минуту. А после рождения Келли? Вообще без шансов.

На Оррина отцовство произвело обратный эффект: он не мог дожидаться, чтобы отправиться на выезд, что и делал каждый день, вылавливая в воздухе драгоценную влагу. А Даннар ставил только на беспроигрышные варианты, да

и то — гораздо меньше, чем раньше. Благодаря этому, несомненно, заведение Даннара держалось на плаву: он хорошо зарабатывал даже по нынешним меркам Оррина. Но только один из них был готов хвататься за главный шанс всей своей жизни, как только тот покажется. Когда маленького Джейба качали в колыбельке, вложения Оррина уже практически полностью перекрывали стоимость магазина.

Даннар успеху Оррина не завидовал. Он был счастлив, что кто-то пользуется его идеями; а что это его близкий друг и что идеи приносят прибыль — так ведь даже лучше. Совместные дела Колуэлла и Голта были настолько тесными, насколько это возможно без официального оформления; последнее им и в голову не приходило, учитывая их обоюдное презрение к клеркам-законникам в Бестине. Ни один сборщик налогов не имеет прав на плоды трудов работяг. И если Оррин хотел хранить свои спидеры, которые использовал для постройки влагоуловителей, в гаражах Даннара или Даннар хотел пасти своих рососпинников в угодьях Оррина, никаких бумаг для этого им не требовалось.

Такое же — более или менее — положение дел сохранялось и при Эннилин, вот уже почти восемь лет со смерти Даннара. В гаражах Надела теперь парковалась целая рабочая флотилия Голта. А когда Оррин посвятил себя административной работе в фонде «Клич поселенцев», который основал вместе с соседями, само собой разумелось, что оперативной базой фонда послужит Надел. Здесь было достаточно помещений, чтобы вместить спецтранспорт фонда, а если силам реагирования нужна была огневая поддержка, то следовало только заглянуть в соседнюю дверь, где Эннилин хранила оружие.

И конечно, Надел вполне мог достойно вознаградить их за труды. Как управляющий фонда, Оррин хорошо представлял эту потребность, поэтому давно уже проследил, чтобы она удовлетворялась. И разумеется, никто не возражал.

У них была дружина по охране общественного порядка, обеспеченная дармовой выпивкой.

— Молодцы, ребята! — Оррин вылез из дорогого сердцу лендспидера USV-5 и смахнул с головы капюшон. Сле-

дом один за другим подлетали остальные. — У кого прокатные — паркуйтесь возле гаража; мы о них позаботимся. А сами можете пропустить стаканчик, пока не началась обеденная толкучка!

Прибывающая толпа ответила восторженным ревом. Некоторые немедленно отправились в Даннарлов надел, но большинство осталось снаружи, обмениваясь рассказами и демонстрируя трофеи. Оррин и сам о чем-то вспомнил и заглянул в лендспидер, чтобы достать свою добычу — гадерффай, или как там дикари называют эти причудливые металлические огрызки. Этот принадлежал мелкому тускену, попавшему под перекрестный огонь. Поставив одну ногу на капот — тот просел, — Оррин воздел оружие над головой. Потом издал боевой клич и широко ухмыльнулся. В ответ раздался вопль одобрения:

— Да здравствует король Джандленда!

Оррин резко обернулся на женский голос. Вика уже была и припарковала свой спидер позади остальных. Джейб и еще пара местных ребят с винтовками выпрыгивали из пассажирского салона. Вика улыбнулась отцу и снова выкрикнула:

— Приветствуйте короля!

— Не называй меня так, — проворчал Оррин. Он ненавидел подобное обращение — и Вика об этом прекрасно знала.

Но вот крики прокатились по растущей толпе:

— Король Джандленда! Король Джандленда!

— Нет, нет. Не надо, — попросил Оррин. Он рассмеялся так громко, что его все услышали.

Не следовало принимать эти вопли всерьез. Народ не искал себе правителя — не затем они все явились на Татуин и осели на этих землях. Им надо было знать, что ему тоже об этом известно. Оррин прислонил гадерффай к лендспидеру и смиренно поднял руки.

— Мы работаем в команде, — заявил он, стремясь утихомирить толпу. — Всегда. Вы, ребята... это вы спасли ферму. — Он повысил голос: — И никогда, никогда не забывайте, почему мы делаем это. Помните о людях, которых убили тускены ни за что ни про что. О людях, которые просто хотели

честно жить и работать. Фермер за фермером — мы даже не представляем, какие знания и какие устремления потеряны с их смертями. Вот почему мы много лет назад объединились для создания «Клича поселенцев» — чтобы вернуть все то, чем мы живем.

Он указал на башню влагоуловителя, возвышающуюся на склоне дюны к югу от магазина.

— Вон там стоит первая сирена, установленная на Старине Первом — влагоуловителе Даннара Колуэлла. Некоторые, кто из новеньких, не знали Даннара, но он был лучшим другом, какой только может быть у человека... и у оазиса. Его тоже погубили тускены, но сирена осталась — одна из многих. Это часть его наследства. Даннара нет с нами, но «Клич» все еще слышен. И наше дело — откликнуться в ответ! — Оррин понизил голос. — Вот в чем загвоздка, ребята. Я знаю, что вы не солдаты. Знаю, что у вас есть собственные поля, на которых надо работать. И не всегда так просто найти лишние кредиты, чтобы поддержать «Клич». Вы и правда многое в него вложили. И речь не только о деньгах. — Он запнулся и прочистил горло. — Но ничего не напишешь. Многие из вас знают, что мой младший сын несколько лет назад погиб, поспешив на «Клич». Он спасал соседа. Не проходит и дня, чтобы я не тосковал по своему мальчику, но я не сожалею о деле, которое он выполнял. Общество — это живой организм, и наши совместные действия поддерживают его в целости.

Оррин окинул толпу взглядом. Поселенцы заворуженно слушали его речь. Как, впрочем, и всегда.

— Вот и все, — произнес старый фермер, нарушая торжественность момента. — И пока вы не убежали за выпивкой, напоминаю тем, кто не оплатил взносы за нынешний сезон: контора «Клича» находится с обратной стороны, за комиссионкой. Может статься, однажды мы понадобится именно на вашей ферме. Спидеры добрыми намерениями не заправишь!

Оррин улыбнулся, а несколько дружинников подлетели к нему пожать руку. Он устремил взгляд на восходящие

солнца. Его работники тоже забросили все утренние хлопоты, но текущее дело было важнее. Убери товарищеский дух — тот кислород, на котором функционировал «Клич поселенцев», — и распадется вся община. Количество желающих вступить в него всегда возрастало после нападений тускенов, но ажиотаж возрастал многократно, стоило им успешно отразить атаку, а то еще и погнать разбойников в пустыню. Оррин кивнул Маллену, и тот открыл дверь магазина.

Оттуда выскочила Эннилин, чуть не сбив юнца с ног. Оррин заметил в ее руках что-то длинное, черное за миг до того, как она выделила своего сына из толпы. Джейб, которого в этот момент осыпала насмешками Вика, тоже заметил мать.

— Мам, я...

Бззззт! Под ногами у подростка ударила золотистая электрическая вспышка. Мальчик испуганно отпрыгнул, не удержался на ногах и плюхнулся оземь.

Маллен и Оррин замерли.

— Ой-ей... — выдал Маллен.

Его отец кивнул:

— Угу.

Джейб, сидя на песке, уставился на мать, сжимающую в руках бантовый стек.

— Ты чего... — Когда до него дошло, что происходит, то первой реакцией было не поверить глазам. — Ты чуть не вырубил меня!

— Я что, промахнулась? — рявкнула Эннилин. — Сейчас исправим!

— Мама!

В дверях магазина появилась Келли с коротким стеклом.

— Мам, может, возьмешь учебный?

— А этот тоже ничего так для учебы, — откликнулась Эннилин. Сделав глубокий вдох, она оглядела стек, которым погоняли бант, — и отбросила его подальше. После чего повернулась и нависла над Джейбом. — А теперь слушай меня! Тебе не разрешали отлынивать от готовки! Тебе не

разрешали торчать на солнцепеке с этими мужланами. — Тон ее набирал обороты. — И уж точно ни за что на свете не разрешали выезжать с отрядом в эту вылазку!

Джейб откашлялся, больше смущенный, чем обиженный:

— Мама, люди были в опасности!

— Это ты был в опасности!

Оррин, усмехаясь, увлек за собой развеселившихся поселенцев, которые уж и позабыли о поджидавшей их бесплатной выпивке.

— Освободите пространство, господа хорошие. Эннилин Колуэлл устраивает серьезную материнскую порку.

Услышав его голос, Эннилин резко развернулась:

— А ты!.. Ты!

Оррин перевесил бы вдову лучшего друга килограммов на тридцать, но все равно, когда она направилась к нему, он попятился. Самосохранение превыше общественного мнения. Заметив гадерффай, приставленный к капоту лендспидера, старый фермер играючи подхватил посох в обе руки и выставил перед собой в шуточном оборонительном жесте. Но Эннилин не остановилась.

— Полегче! — осадил ее Оррин.

Эннилин схватила гадерффай посередине и притянула к себе.

— Предупреждаю в последний раз, Оррин. Если ты опять позволишь Джейбу увязаться за вашим отрядом, лучше сразу напяль на себя обмотки и оставайся жить у тускенов!

— Энни, послушай...

— Никакая я тебе не Энни! — зло оборвала она. — Я тебя предупредила, Оррин. Заберешь свои спидеры из моих гаражей, и ставь их хоть под навесы, хоть куда, — рывкнула она, оттолкнув от себя гадерффай. — Хочешь, чтобы кто-то накормил твою команду, — езжайте в Бестин. А понадобится оружие — кланяйтесь в хвостяру Джаббе!

— Ну, знаешь, — задорно отозвался Оррин, ни на минуту не забывая о восторженных зрителях. Даже выпивохи из Надела высыпали наружу посмотреть на них. — Тут тебе не дикий восток, — сказал он. — Тут Пикковый оазис. Мы с Джаббой не якшаемся.

— Разозлишь меня еще раз, тебе так прилетит, будто хатт подмял! — Зеленые глаза прожигали насквозь. — Понятно?

— Ну и фантазии у тебя. Послушай. Успокойся, а то оставишь мальчика сиротой... — Оррин резко рванул гадерффай на себя. Он ожидал сопротивления, но Эннилин отстранилась, и его рука со всей силой замаха ушла назад...

...воткнув посох в ветровой щит его же лендспидера. Только осколки полетели.

Оррин оценил масштаб разрушений.

— Потрясающе, — произнес он. — Просто потрясающе. — Он повернулся к Эннилин. — Видишь, что ты натворила?

— Я? Это ты держал посох. — Эннилин едва скользнула взглядом по разбитому щиту. — Надеюсь, о моем сыне ты лучше заботился, чем о своем автопарке!

— Джейб и сам о себе прекрасно заботится, — заявил Оррин с растущим раздражением. — Зато ты обращаешься с ним, как будто он дроид с ограничителем!

— Да неужели?!

— Ужели! — Они с Эннилин были уже нос к носу. — А ты, может быть, на себя посмотришь, — сказал Оррин. — Спроси себя, почему он так рвется подальше от...

Из толпы раздался хрипловатый голос:

— Ой, да целуйтесь уже!

— Это кто сказал? — Глаза Эннилин стрельнули в сторону публики. — Кто сказал?

— Все говорят, — ответила Лили, скрестив руки на груди и качая головой.

Эннилин фыркнула:

— Я думала, ты ушла.

— Еще чего, пропустить такое представление?

Поселенцы по обе стороны от зелтронки расхохотались.

Эннилин вся кипела внутри, а Оррин поспешно передал тускенский посох сыну. С тех пор как сбежала последняя жена фермера, половина оазиса пыталась свести их с Эннилин. Другая половина полагала, что они и так вместе. Но Оррин знал, что заострять на этом внимание нельзя. Опаснее темы для разговора не было во всей Галактике.

Эннилин резко развернулась и подошла к сыну. Келли в этот момент помогала Джейбу подняться: тот был взволнован и слегка пошатывался, но в остальном был невредим.

— Лили правду говорит, мам, — услышал фермер шепот Келли. — Вы с Оррином уже сколько лет ходите вокруг да около...

— Тебя еще не хватало, — рывкнула Эннилин. — Иди займись делом.

Келли посмотрела на нее обиженно:

— Ла-адно. — Развернулась и ушла, отпустив Джейба, тот тут же плюхнулся обратно на песок.

Пока Эннилин помогала сыну подняться и дойти до дверей, Оррин велел Маллену отвести лендспидер в гараж.

— Невелика беда. Скажи Глоумеру, пусть запишет стоимость ремонта на счет, — велел фермер. Потом, припомнив, что предстоят еще платежи, добавил шепотом: — На счет магазина.

Представление закончилось, и толпа потянулась в Надел. Эннилин отряхнулась: ей предстояло еще обслужить немало посетителей. Прежде чем зайти вместе со всеми, Оррин рискнул заговорить с ней:

— Ты помогла Беззардам обустроиться?

Эннилин шумно выдохнула:

— Я поселила их в гостевых комнатах. Они приехали как раз тогда, когда я шла за Джейбом.

— Надеюсь, ты в тот момент отложила стек подальше, — хмыкнул фермер. — Они и так натерпелись страху!

Эннилин попыталась скрыть улыбку, но вышло это у нее из рук вон плохо.

— Нет, — произнесла она. — Все в порядке, правда. С ними врач.

— Хорошо.

Он собрался было идти, но женщина поймала его за рукав и посмотрела с беспокойством:

— Говорят, там был Красный Глаз.

Оррин тихо ответил:

— Был. Они прикончили старого Лото и работника-бита. Но и мы нескольких завалили. — Он помолчал. — Далеко за ними не гнались.

Ее взгляд пронзал насквозь.

— Джейб был вне опасности?

— Все мы тут в опасности. Тебе известно не хуже других. Но если ты хочешь сделать из мальчишки конторского приказчика, каким был его отец, то безвозвратно его потеряешь, уж поверь мне. — Оррин похлопал ее по плечу. — Вот что, если все вопросы о твоих детях закрыты, меня там дожидаются с выпивкой тридцать бойцов.

— За счет фонда, — заявила она с наигранной, как ему показалось, строгостью. А потом чуть не расплылась в улыбке.

«Да, между нами все наладится». Оррин улыбнулся и придержал дверь для Эннилин. Хороший будет денек, дай-те только...

С противоположной стороны здания раздался громкий треск, а за ним — хищный рев. Миг спустя послышался неразборчивый женский возглас.

«Ну что еще?» Оррин в недоумении обогнул постройку. На заднем дворе его глазам предстала брешь в стене загона и облако пыли, уносящееся к барханам на юго-западе. Он еле различил в клубах пыли беловолосую фигурку, которая отчаянно болталась из стороны в сторону.

Эннилин подбежала и встала рядом:

— Скажи, что это не то, о чем я думаю!

— Врать не буду, — отозвался Оррин, вглядываясь в даль. — Это Келли на спине у бешеного рососпинника.

— Злюка!

Оррин вздохнул и пожал плечами:

— Ну... ты же сама сказала ей заняться делом...

ГЛАВА ПЯТАЯ

НОЖ В КОТОРЫЙ РАЗ ВОНЗИЛСЯ В РУКУ ЮНОГО ТУСКЕНА. Из разреза засочилась черная жижа и стала впитываться в обмотки. Осколки засели глубоко, слишком глубоко, чтобы достать.

Выжившие после утренней вылазки — и А'Ярк вместе с ними — не без труда добрались до Столпов, распадка между зазубренными вершинами, где поселенцы на своих машинах не могли их достать. Но пустоши были оскорблены, что их так трусливо используют, — и юный воин поплатился за это. Он спасся от выстрелов, но не от проклятой брошенной фермером гранаты и не от того крошева, в которое она превратила каменную стену. Рука омертвела, кисть не двигалась. Если внутри происходило что-то еще, тускены об этом и знать не знали. Бесполезное то было знание.

Воин получил от вождя клинок и напутствие. Слова были известны каждому из них — слова, отделяющие тускена от всех прочих, кто живет в песках.

«Имеющий руки да удержит в них гадерффай».

Воин не отрывал глаз от оружия, но участь свою не оспаривал. Его банта достанется кому-то другому: отряд не мог себе позволить лишиться и седока, и животного разом.

Соплеменники оставили раненого в одиночестве — с мыслью о том, чтобы вернуться за телом позже. Сейчас главное — заняться живущими. Утренняя вылазка была рискованной... возможно, излишне рискованной при такой малочисленности отряда. Но она была, безусловно, необходи-

ма. Поселенцы слишком осмелели. Тускенам же следовало быть еще смелее.

Остатки клана прятались среди Столпов, как трусливое солнце. Легенда гласила, что здесь неоднократно сек горы кинжалом неизвестный великан; кое-кто утверждал, что этим великаном было само младшее солнце, бичевавшее брата. Как бы то ни было на самом деле, местность была необыкновенной. Колонны из природного камня и крошащиеся обелиски тянулись к небу, а у некоторых на верхушках возлежали каменные валуны, в любой миг готовые сорваться вниз. Между колоннами петлял лабиринт узких проходов. Некоторые вели в пещеры, другие — в никуда. Просвет между высокими скалами позволял разместить вокруг священного источника небольшое городище; песчаные люди теснились вместе со своими бантами в каменистом желудке Джандленда.

Никто не проронил ни слова, завидев, что А'Ярк обходит городище. Те несколько десятков тускенов, что отсиживались здесь во время вылазки, знали, сколь много слабых погибло. Скорбеть о никчемных соплеменниках было некогда. Их имена, их голоса ушли в прошлое. А песчаному народу надо выживать в настоящем.

В языке тускенов существовало слово «завтра», но использовали его редко. Что в нем хорошего? Смерть скакала бок о бок, как тени бант. Поселенцы, похоже, ни о чем таком не знали. Возводя укрытия для защиты своего драгоценного будущего, поселенцы становились толстыми и неповоротливыми — ну точно хатты. Может, хатты таким образом и появились на свет? Не то чтобы это когда-нибудь занимало мысли тускенов.

Нет, важно только настоящее. Выживание стало каждодневным достижением, воспетым в сказаниях о прошлом. Ударом, нанесенным по проклятию, которое солнца испокон веков наложили на племена. Вот чем следовало гордиться. Но кто будет хранить сказания, если все погибнут?

Вблизи источника жажда взяла верх над праздными раздумьями, и рука предводителя сама потянулась к веревке.

Скоро солнца достигнут своих зенитов. Нужно будет кормить малышей, нужно будет точить гадерффаи... и выбирать новую цель для нападения. Выбирать же будет, как всегда, А'Ярк.

Веревка вытянула на поверхность ведро. В третий раз за сколько уж дней — не упомнить — в нем был только мокрый песок. Некоторые называли это дурной приметой. У вождя же жажда обыкновенная сменилась жаждой убийства.

Подбежал обмотанный с ног до головы ребенок и выпалил донесение от дозора. Раздражение предводителя нарастало с каждым услышанным словом. По барханам верхом на животном скакал незнакомец. Снова.

В последнее время такие вторжения были не редкостью. Ходили даже слухи об одном человеке в капюшоне верхом на груженом эопи, который с востока на запад разъезжал по пустошам и был недосягаем для тускенских дозоров, заметивших его. Это приводило все племя в ярость. Поселенцы могли прорываться по дюнам на машинах — и зачастую у них даже получалось. Но тот другой — он либо безумен, либо настолько могуществен, что ему любая опасность ни почем. Но неважно, в чем причина. Столь нечестивое поведение должно быть пресечено, и плевать на плачевное состояние племени.

Воины, услышав донесение, схватились за оружие. «Хорошо», — было первой мыслью вождя. Даже после утреннего поражения бойцовский дух не угас. Но сейчас нужно позаботиться о насущном. Они останутся, покуда А'Ярк лично не разберется с непрошеным гостем. А если будут возражать, то тоже недосчитаются рук.

«Так потешим же жажду убийства!»

— Поше-о-ол!

Эннилин в который раз дернула за поводья. Вилас услышал и засеменял вперед, ловко переваливаясь через торчащие камни. Через несколько секунд они миновали щебенку. Наездница снова прикрикнула на него, и он припустил по пыльной чашеобразной равнине.

Пинки на рососпинника не действовали: буро-красные чешуйки защищали кожу от любых шпор. Но Вилас, похоже, понимал, куда ему двигаться и что делать.

Именно поэтому Эннилин сразу отправилась за ним, едва увидев сломанную изгородь. На лендспидере было бы быстрее, но Злюка унес Келли к Трясунам — щебенчатой полосе, где транспорт неизменно попадал в зону турбулентности. Не ахти какая проблема, но выискивать дочь при таком раскладе было бы непросто. А Вилас знал, куда бежать... наверное.

— Вон они, — крикнула наездница, выбрав нужное облучко из нескольких пылевых завихрений в отдалении.

Вилас сориентировался быстро. Эннилин уцепилась покрепче: она не ездила верхом три года, но навык вряд ли растеряла. По нынешним временам половина поголовья рососпинников в Бестине происходила от стада Кэлума Тейни. Она бы и сейчас работала на ферме отца, если бы животных не подкосила сухая парша — вялотекущее заболевание, препятствующее усвоению воды клетками организма.

Под конец от стада мало что осталось — как и от самого Кэлума, которого покинули все работники. Когда и Эннилин пришлось наняться в магазин Даннара, отец стал совсем невменяем. Четыре года спустя, когда Эннилин с матерью перебрались в маленький домик неподалеку от оазиса, он взял бластер и покончил со своими страданиями. Эннилин нашла его через три дня после своей помолвки. Он сложил десяток оставшихся яиц рососпинников в ее старую колыбельку.

Стойла и загоны для животных в Наделе были сюрпризом, который сделал Даннар к их свадьбе: наследство семьи Тейни продолжало жить за окошком ее магазина, служа утешением и развлечением. Когда Даннар умер, девятилетняя Келли нашла схожее утешение в возне с животными. С того момента Эннилин перепоручила ей все заботы о рососпинниках. Келли это было по нраву, да и к тому же так девочке не пришлось терять годы юности, споря о ценах на одеяла с посетителями, которые даже не помнят ее имени.

Снова сесть верхом на рососпинника — приятное ощущение, даже несмотря на опасность. Злюка был для Келли искушением, риском, который слишком долго откладывался на потом. Сейчас матери пришло в голову, что у Злюки была примесь дикой крови горных рососпинников; кто-то из отряда Оррина однажды притащил несколько яиц, найденных в поле. Горные особи с их заскоками мало отличались от людоедской породы. Эннилин отругала себя за то, что совсем запустила селекционную работу. Она ведь знала, как это делается, и в стойле имелись простейшие диагностические приборы. Но она была слишком занята. А ни один из ее детей никогда не мог устоять перед искушением.

Келли уже была в поле зрения, в половине километра впереди. Злюка и не думал останавливаться. Эннилин на Виласе неслась к ним напрямик через песчаные пропешины. Услышать их Келли не могла, зато было видно, что она уже не справляется с животным, если вообще справлялась до этого.

В стойлах Колуэллов особое внимание уделялось вопросам безопасности: седла охватывали туловища рососпинников тремя крепкими подпругами. Но это срабатывало только в том случае, если во время седлания животное стояло спокойно, на что Злюка был по определению не способен. И сейчас хорошо было видно, как седло из-за ослабленных подпруг сползло вправо. Келли, запутавшись ногой в стремя и отчаянно цепляясь за поводья, повисла на боку животного. Каждая безуспешная попытка выпрямиться злила Злюку еще больше. Было очевидно, что он не остановится, пока не сбросит наездницу.

Злюка пересек гребень дюны и пропал из виду. Несколько долгих секунд спустя туда прискакала Эннилин. От увиденного за дюнами она задохнулась. Она знала, что восточные рубежи славились земляными провалами, но это место было просто геологическим дуршлагом. Хуже того, в подобном изрытом рельефе обитали с трудом поддающиеся описанию твари, которые зачастую сами же его и формировали.

Сарлакки. Здоровые подземные прорвы, хватающие все, что имеет глупость пронестись мимо. Затаившиеся в песке чудовища, способные целиком проглотить лендспидер.

Злюка бежал прямо к ним в пасть.

Эннилин с удвоенной силой натянула поводья, понукая своего «скакуна». Вилас захрапел и стал упираться. Она понимала, что обстановочка ему не по душе, и трудно было его винить. Но рискнуть стоило. Сарлакки встречались редко. Поговаривали, что в Каркуне обитал один особо крупный экземпляр; еще один обретался неподалеку от каких-то древних развалин, коих на Татуине не счесть. Встреча даже с крошечным представителем этой породы может быть смертельной; но сейчас выбирать не приходилось. Наездница пустила Виласа в скачущий галоп, стараясь держаться как можно дальше от рытвин.

— На помощь! — (Взгляд Эннилин метнулся от изрытой земли к тому, что происходило в сотне метров впереди. Злюка не сбавлял хода, а Келли никак не могла выпутаться.) — Мама, помоги!

У Эннилин чуть сердце не выскочило из груди. Но успокаивало хотя бы то, что Келли наконец ее заметила. Мать стиснула зубы и бросилась вперед, оглушенная переживаниями. За Злюкой тянулся шлейф взбаламученного песка; распущенные волосы Эннилин непослушно развевались за спиной. Песчаный рельеф то вздымался, то опадал — здесь дюна, а через три метра уже впадина. Непрерывное «топ-топ-топ» Виласа по пересеченной местности отдавалось в ее теле. Однако она догоняла.

Вилас было запутался в собственных ногах, но быстро оправился. Эннилин в этот момент отвлеклась от погони, и ей вдруг почудилось, что она видит тускена, наблюдающего за ними с далекой дюны. Очень скоро он пропал из виду, и наездница решила, что ей примерещилось. Слишком много адреналина. Злюке же, ударившемуся вразнос, все было нипочем.

Ветер унес ее хриплый крик:

— Стойте! Стойте!

Злюка был уже в десятке метров от них, и Эннилин хорошо видела, что у Келли застряла нога. Испуганная девушка наполовину сползла вместе с седлом на правый бок животного и в любой момент могла свалиться прямо под его массивные задние конечности. Нужно было еще прибавить ходу.

— Прости, малыш, — воззвала Эннилин к Виласу. — Но так надо!

Она подстегнула его еще сильнее и практически притерлась к крупу Злюки с левой стороны. Справа было не подойти — если Келли упадет, то окажется в двойной опасности. Матери следовало самой усмирить бешеную тварь.

Вилас замедлил шаг; Эннилин подумала, что он опасается Злюки. Но они были уже близко. Эннилин бросила поводья, рывком перенесла вес тела вперед и забралась на широкую шею Виласа, ободрав все руки о чешую.

Она оценила сужающееся пространство между двумя рососпинниками. С земли взлетали комки грунта, и каждый гулкий шаг Злюки вздымал маленький песчаный гейзер. Он, может, и обратил внимание на появление Виласа, но никак не отреагировал... пока. Однако реакция обязательно последует. Вот только какая?

Эннилин уже доводилось вскакивать на рососпинника на полном ходу, но только не на разозленного беглеца и только не из седла другого скакуна. Злюка мог выкинуть что угодно. Слишком опасно.

Но она слышала, как Келли вскрикивает на каждой кочке.

И рраз!

Эннилин перегнулась и ухватила заднюю подпругу на седле Злюки. Та, единственная из всего снаряжения, казалась хорошо закрепленной — и глаза не обманули. В ту же секунду, как Эннилин в этом убедилась, она отпустила Виласа и переметнулась на Злюку.

На это он не мог не отреагировать — к ее великому сожалению. Зверь ударил могучим хвостом, пытаясь смахнуть то, что к нему прицепилось. Эннилин только сильнее ухватилась и стала продвигаться вперед, пядь за пядью. Вилас

скрылся из виду, повернув на север; ей же деваться было некуда. Цепляясь изо всех сил, мать поймала Келли за руку и попыталась притянуть к себе.

Ничего не вышло. Тянуть было тяжело, а захват был слишком неуклюжим. Эннилин испугалась, что теперь свалятся они обе. Но лучше уж вместе — удержаться или свалиться, тут как повезет. Она примерилась, чтобы загрести дочь полочнее за рубашку...

...и углядела что-то справа от себя.

Он появился на краю бокового зрения. На секунду Эннилин подумала, что это привидевшийся ранее тускен. Но, мотнув головой в ту сторону, она узрела нечто еще более невероятное. К гонке присоединился наездник, несущийся наперерез с дальней дюны на северо-западе. Замотанная в коричневые одежды фигура приближалась к ним по диагонали. Скача во весь опор...

...на эопи?

Эннилин перевела взгляд на Келли, на лице которой застыла маска ужаса, а затем снова на незнакомца. Все верно: эопи. Четвероногое бурое животное, гораздо мельче росо спинника. Эопи могли хорошенько разогнаться, но состязаться с ящерами в беге были не в состоянии. Однако фигура в коричневых одеждах бодренько их нагоняла — с такой легкостью, будто управляла мотоспидером.

Эннилин не могла поверить глазам. У незнакомца не было ни шанса их настичь, однако это его ничуть не останавливало. Не все разбойники в пустыне были тускенами, но ни один стервятник в здравом уме не станет гнаться за добычей в таких местах. Он дождется, пока они сами не сломают себе шеи. Неужели этот всадник хочет им помочь? Оставалось только гадать.

Он ответил на ее мысли:

— Держитесь!

Скакун незнакомца изящно лавировал по краям рытвин, оставляя копытцами такие легкие следы, словно был без всадника. Человек — а он приблизился настолько, что Эннилин смогла разглядеть человеческий нос и каштановую бороду с усами под развевающимся капюшоном — мастерски